

Заряжайтесь оптимизмом ■ Екатерина Вильмонт

Екатерина Вильмонт

**Перевозбуждение
примитивной личности**

«АСТ»

2003

Вильмонт Е. Н.

Перевозбуждение примитивной личности / Е. Н. Вильмонт —
«АСТ», 2003

ISBN 978-5-17-056183-4

Выбирать между любовью и одиночеством просто. Но когда любовь сваливается на тебя как снег на голову, да еще число претендентов на твои руку и сердце растет с каждым днем, — как тут быть? На ком остановить выбор? Главное — не унывать! И не бояться сделать шаг навстречу мечте. Ведь счастье рядом, нужно только не пройти мимо него...

ISBN 978-5-17-056183-4

© Вильмонт Е. Н., 2003

© АСТ, 2003

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	24
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Екатерина Вильмонт

Перевозбуждение примитивной личности

Эту историю мне рассказала Дина, племянница моей старой подруги. Дину я помнила совсем девочкой, потом очаровательной девушкой, а теперь передо мной сидела элегантная, уверенная в себе иностранка, преподаватель Маастрихтского университета, вдова сорока двух лет, впрочем, на вид больше тридцати пяти ей не дашь. Но это не история ее становления, это история любви, которая, похоже, перевернет скоро всю ее жизнь. Впрочем, кто знает... Я изменила здесь только имена и фамилии.

Глава первая В Москву, в Москву

Вот уж воистину, от суммы и от тюрьмы не зарекайся! И если проблема суммы сейчас передо мной в силу многих обстоятельств не стоит, то в тюрьму я все-таки угодила, хоть и в голландскую! И всего лишь на три дня, смешно, правда? А дело было так: выхожу я в Маастрихте из супермаркета и вижу: какой-то молодчик арабского типа вскрывает багажник моей машины. А надо вам сказать, что в Голландии обычно полицейских не видно, но когда нужно, они тут как тут. Но не в моем случае! Тогда я выхватила из пакета литровую бутылку кока-колы, подбежала к нему сзади и шарахнула по башке! А что еще мне оставалось? Он упал и вроде даже потерял сознание. Вот тут сразу появились двое в полицейской форме и арестовали меня. Но я не испугалась, я ведь в Европе, разберутся... Вот если б я в Америке негра так шарахнула, меня с их гребаной политкорректностью могли запросто черт-те в чем обвинить, а тут... Я позвонила своему адвокату, но три дня все-таки пришлось отсидеть. Хорошо отдохнула, между прочим. Меня только беспокоили мои звери – собака Тузик, чистокровная дворняга, и два кота, Кукс и Мойша. Но старый друг Додик согласился эти три дня пожить в моем доме и присмотреть за зверинцем. В последнюю тюремную ночь мне приснился сон – я, совсем молоденькая, играю в волейбол на пляже в Красной Пахре, где у отца была дача. Мне жарко, я вхожу в речку и плыву по течению, и мне так хорошо, прохладно, а солнышко светит, берега пустынные, и вдруг я вижу полянку, всю в ромашках, такие в природе редко встречаются, все больше на рекламных снимках в глянцевых журналах... Я вылезаю на берег и вдруг осознаю, что мне от силы лет семь-восемь, а в волейбол я играла восемнадцатилетней... Значит, если бы я не вылезла на берег, то могла бы доплыть по этой речке до небытия? Но тут я проснулась. Странно, мне редко снятся сны, а уж снов о прошлом я практически никогда не вижу. К чему бы это, думаю?

Утром я вышла «на свободу с чистой совестью». Встречал меня Додик.

– Ну ты даешь! – он обнял меня. – Как тебе голландское узилище?

– Класс! Но все-таки больше всего на свете хочется принять душ! Как там мои звери?

– Нормально! Кукс только очень скучает.

– Он обиделся, не будет неделю со мной общаться, я его знаю!

– Слушай, Динка, а кто такая Тося Бах?

– Кто? – ахнула я.

– Звонила какая-то Тося Бах. Из Москвы.

– Господи, невероятно! Это моя одноклассница... Но как она узнала мой телефон?

– Вероятно, у твоего отца?

– Исключено. Отец не знает ни адреса, ни телефона. Мы последний раз общались лет десять назад, и я тогда еще жила в Амстердаме. А что она хотела?

– Понятия не имею, спросила только, я муж или не муж. Еще спросила, где ты?

– И ты, конечно, не отказал себе в удовольствии сообщить, что я в тюрьме? – засмеялась я.

– Как ты хорошо меня знаешь! Разумеется, я сказал чистую правду!

– А она что?

– Сперва глухо замолчала, потом решила, что я шучу, а потом я сжалился над ней и заодно над твоей репутацией в родном городе и все объяснил. Так что она сегодня будет звонить, если, конечно, не слишком испугалась.

– Интересно, что ей понадобилось? Я о Тосе Бах больше двадцати лет не слышала.

– Ну, наверное, собралась зачем-то в Голландию или в Бельгию, вот и разыскала тебя.

– Но через кого?

– Ну, в принципе, можно через адресный стол найти человека.

– Но она не знает моей новой фамилии...

– Ерунда, Динка, найти человека не так уж сложно. Какая-нибудь наша Арахна¹ где-то тебя упомянула, кто-то тебя вспомнил...

– Да, вероятно...

Между тем мы приехали в маленький бельгийский город Маасмехелен, где я после смерти мужа жила со своим зверьем. Тузик с громким лаем кинулся ко мне, Мойша стал радостно тереться о мои ноги и громко мурлыкать, а Кукс смерил меня сумрачным взглядом и величественно удалился. Обиделся, как я и предполагала. Он же не знает, что я не развлекалась на стороне, а сидела в тюрьме и потому нуждаюсь в сочувствии.

– Додик, заходи, кофе дам.

– Нет, благодарю, у меня и так проблемы в личной жизни из-за твоего хулиганства! Я только заберу лэп-топ и пижаму. А вот вечером давай где-нибудь поужинаем!

– А личная жизнь?

– К вечеру я с ней уже на сегодня покончу! Созвонимся?

– Конечно!

Как все-таки хорошо дома! Однако наслаждаться домашним уютом мне мешала мысль о звонке Тоси Бах. Это был звонок из прошлого, далекого и, казалось, прочно забытого. Я вроде бы хорошо усвоила науку забвения. Жизнь сложилась так, что каждые несколько лет приходилось говорить себе – забудь. С каждым разом мне это давалось все легче, а Тося Бах была из того, самого долгого, периода, забыть который было труднее всего, ведь там осталось всё – родители, детство, юность, школа, первые влюбленности, первая взрослая любовь, родина, наконец... Но я справилась, по крайней мере, мне так казалось, пока эти семь букв – Тося Бах – не взбаламутили душу...

Тося Бах была моей школьной подругой, мы с первого класса сидели за одной партой, правда, часто ссорились, уж очень разные характеры. Но все-таки общего было больше. Ее отец был крупным ученым, мать тоже, у них была большая, типично профессорская квартира с массой книг, не слишком ухоженная, там всегда слегка пахло пылью, но мне у них нравилось. Их домработница Маруся делала фантастические блинчики с мясом. Тоська была младшей дочерью в семье, и ее родители были лет на десять старше моих. У нас тоже была большая квартира с массой книг и домработница, правда, она занималась только уборкой и стиркой, готовить бабушка ей не доверяла. У Бахов домработница жила много лет, а у нас они менялись очень часто. И вообще, их дом представлялся мне какой-то твердыней, а наш – шатким и валким. Что впоследствии и подтвердилось... Интересно, Тоськины родители еще живы? Неужели она хочет приехать и потому разыскала меня? А я хочу ее видеть? Не знаю... Наверное, скорее хочу, но лучше бы этого не было... Вон как от одного только упоминания ее имени все разбередилось... И боль от потери мамы, и обида на отца и бабу, и вообще... Но тут зазвонил телефон.

– Алло!

– Динка, привет, это Тося Бах. Помнишь меня? – каким-то странно-деревянным голосом спросила старая подруга.

– Разве такое забывается, Тоська? – вдруг жутко обрадовалась я. Она, видно, это почувствовала, и голос зазвучал совсем по-другому.

– Тебе передали, что я звонила?

– Конечно!

– Слушай, ты правда в тюрьме сидела?

¹ В греческой мифологии лидийская девушка, превращенная Афиной в паука.

– Истинная правда, но не волнуйся, это фигня!
– Ой, Динка, я вот услышала твой голос, так захотелось повидаться... Да, я чего звоню-то! Ты помнишь, что в этом году четверть века, как мы окончили школу?
– Нет, не помню... Четверть века? Какой кошмар!
– Не говори, но суть не в том. Мы решили собраться всем классом! И приглашаем тебя!
– Куда приглашаете?
– Как куда? В Москву, конечно, в нашу школу! Знаешь, я сколько народу обзвонила, сначала все в шоке, а потом так радуются, придем, говорят. Даже Оська Левин из Сан-Франциско обещал прилететь... Помнишь Оську?

– Еще бы!
– Ну ты приедешь? Сможешь?
– А когда? – вдруг охрипла я.
– Керосинка сказала, что можно в первых числах июня.
– Керосинка? Она еще жива?
– Жива-жива! Она теперь директор школы!
– С ума сойти! Тоська, а ты как живешь?
– Нормально, Динка, но это долгая история, вот приедешь, поговорим! Так ты приедешь?
– В первых числах июня? Не знаю... Надо посмотреть расписание... у меня же лекции... Не знаю...

– Динка, ну, пожалуйста, приезжай! Если нужно, мы какую хочешь бумагу вышлем, хоть от президента! Наш Ванька Дрожжин работает в администрации президента! Так что, сама понимаешь. Запиши мои телефоны, домашний и мобильный! Звони в любое время, хоть в три ночи! Если будут проблемы с билетами на самолет, поможем! А можно вообще так сделать – Борька Мухин живет в Ганновере, он собирается ехать на машине, может, вы скооперируетесь, хочешь, дам тебе его телефон?

– Нет, нет, не нужно. Я подумаю, Тося. Ты только скажи, родители живы?
– Живы, слава богу! И Маруся при них!
– С ума сойти! Ой, Тоська... Кажется, я все-таки приеду!
– Умница, Динка, я в тебе не сомневалась, хоть ты и сволочь хорошая, пропала на столько лет! Подруга называется!

– Тоська, а как ты меня нашла?
– Долго рассказывать! Много интересного о тебе на этом пути узнала, но имей в виду – ни одному слову не поверила!

– Все понятно, занималась арахнологией!
– Точно! Они там как пауки в банке, очень точно сказала. Ой, Динка, а мы по-прежнему понимаем друг друга с полуслова... Динка, ты только скажи, тебе есть где остановиться в Москве? Я так поняла, ты с отцом отношений не поддерживаешь?

– Нет, но это неважно, я остановлюсь в гостинице, сейчас это, говорят, уже не проблема?
– Нет, ты только скажи, какую гостиницу тебе заказать?
– Нет, нет, я сама... Посмотрю по Интернету, созвонюсь...
– Слушай, а может, не надо в гостиницу, приезжай прямо ко мне, я сейчас одна...
– Спасибо, Тоська, но я лучше в гостинице, мне так проще.
– Дело твое. Но на дачу к нам ты поедешь.
– У вас все та же дача?

– Конечно, только кругом ничего не узнать. Ой, Динка, приезжай! Точное число я сообщу тебе на той неделе. Но это будет либо седьмое, либо восьмое июня, так что можешь заказывать билет... Динка, приезжай на подольше, так, чтобы после встречи еще побыть в Москве, пообщаться...

– Я тебе позвоню!

- Не вздумай отказаться! Это будет большое свинство! Ты помнишь Костю Иванишина?
- Конечно! Он был в меня жутко влюблен!
- А ты мучила бедного мальчика! Он, между прочим, у нас сейчас такая звезда, закачаешься!
- Звезда? В какой области? – крайне удивилась я.
- Актер! Знаменитость, пол-Москвы по нему сохнет, красавец стал... и между прочим, когда я ему позвонила, первое, что он спросил: «А Шадрина будет?» Так что имеешь шанс! И вся Москва лопнет от зависти!
- Ты же говорила про пол-Москвы! – засмеялась я.
- Ну правильно, все московские бабы это и есть пол-Москвы!
- Я уже задыхалась от волнения и от жуткого желания очутиться в городе моего детства.
- Ты Москву не узнаешь! Ну так что, я могу пообещать Косте встречу с первой любовью?
- Да!

Так вот что означал этот сон – возвращение к истокам, к детству, юности... И хотя до назначенной даты оставалось еще полтора месяца, я вдруг внутренне заметалась... Ну, в университете я все улажу, поменяюсь с Ионом и дней десять смогу выкроить. Десяти дней вполне достаточно... Но с кем я оставлю зверье? Женщина, которая обычно с ними оставалась, на днях перенесла тяжелую операцию и вряд ли до тех пор поправится. Додик может не согласиться... Хотя почему? Он же свободный художник, какая ему разница, где ночевать? Пусть приводит сюда своих баб, мне не жалко. Сегодня же поговорю с ним... А если не выйдет, обращусь к студентам, может, кто-то и согласится... Короче, времени на устройство достаточно. На самый худой конец, отдам их в звериный пансион. Хотя жалко, я один раз пробовала... Им там явно не понравилось, ничего, устроюсь как-нибудь.

Что это со мной? Ностальгия? Я всегда считала себя свободной от этого типично русского недуга... Очевидно, нельзя считать себя свободной ни от какого недуга, вот разве что простит мне не угрожает и какие там еще есть типично мужские болезни. А все остальное, что случается с людьми, может случиться и со мной... Мне вдруг стало неудобно. И хотя на здоровье я до сих пор не жаловалась, но все-таки уже сорок два... И чтобы не думать о болезнях, я полезла в Интернет, узнать все о московских гостиницах. Ненавижу жить в чужих домах, приравниваться к чужому образу жизни и вынуждать людей считаться с моими привычками, как бы скромны они ни были. Поэтому люблю гостиницы. Может быть, остановиться в «Национале», если он еще существует? Да, существует. Когда-то в детстве я часто бывала с родителями в кафе «Националь», позже мы ходили в ресторан «Националь» с Андреем Георгиевичем, и я всегда мечтала пожить в этой гостинице. Вот теперь я могу осуществить свою детскую мечту.

Андрей Георгиевич, Андрюша... Интересно, он жив еще? С ним я точно не хочу встречаться, он, наверное, совсем старик уже, ровесник папы. Моя первая любовь. Мне было шестнадцать, ему почти сорок... Я умирала от любви к нему. Дура, идиотка! Самонадеянная кретинка, мне казалось: если я, такая юная, подарила себя и свою любовь такому пожилому человеку, то он должен меня боготворить до самой смерти... А он и не собирался. Он был очаровательный, легкомысленный, сексапильный, и я вовсе не стала его роковой страстью... Просто хорошенькая, молоденькая влюбленная идиотка, которая довольно быстро ему надоела своими претензиями на великую любовь. Тьфу, стыдно вспоминать! Но как я страдала, хотела даже с собой покончить, более того, попыталась. Вычитала в каких-то театральных мемуарах, что в начале двадцатого века некая девица, безнадежно влюбленная в блестящего офицера, вышла в мороз в одном платье и долго гуляла у него под окнами. Разумеется, простудилась и умерла от пневмонии. Мне эта история показалась невероятно красивой, и я тоже вышла на улицу в легком платье, ночью... Но то ли морозы в начале века были сильнее, то ли девушка была слабее меня здоровьем, но у меня даже насморка не случилось. Конечно, я справилась со

своим горем, ведь это было уже не первое горе в моей короткой жизни. Сначала отец ушел от мамы, ушел к молодой девушке, которая вскоре родила ему девочку, не прожившую и неделю. Потом тяжело заболела мама и, проболев полгода, умерла, а я осталась одна. Отец, конечно, взял меня к себе, и я даже сумела подружиться с его новой женой. Ее звали Варя, она была милая, добрая, да еще и бабушка всячески старалась нас сдружить. Но спустя года полтора отец ушел от Вари, у него опять закрутился бешеный роман и было совсем не до меня, а бабушка почему-то прониклась острой приязнью к новой даме отца... Для нее вообще не было в жизни ничего важнее прихотей любимого сына, даже внучка была на десятом месте, тем более что бабушка и сама еще работала в полную силу, так что к девятнадцати годам, когда я уехала из Союза, я успела много чего нахлебаться. И сейчас в Москве у меня есть сестра, которую я никогда даже не видела, знаю только, что ей двадцать лет и зовут ее Нелли.

Ах, как я не люблю вспоминать! А тут нахлынуло...

Короче говоря, когда позвонил Додик, я воскликнула:

– Ты хотел где-нибудь поужинать? Я с удовольствием! Не заезжай за мной, я сама приеду, где мы встретимся?

– Динка, что с тобой случилось?

– Расскажу при встрече!

– Ты меня пугаешь! В чем дело?

– Ни в чем, просто нервы...

– А, ну если нервы...

Мы договорились встретиться в маленьком деревенском ресторанчике на полпути из моего бельгийского Маасмехелена до его голландского Маастрихта.

– Ну и что стряслось? – спросил Додик при виде меня. – Какие-то неприятности от Тоси Бах?

Вот за что люблю Додика – он понимает меня почти без слов, как, впрочем, и я его.

– Это не неприятности, отнюдь... – я все ему рассказала.

– Ну, судя по смятению в глазах, ты собираешься ехать, и мне придется стать зрителем в зверинце? – обреченно произнес он.

– Додька, я тебя обожаю!

– Ты не одинока в своем обожании, – пожал плечами старый друг.

– Не ври, мне же от тебя при этом ничего не надо, кроме дружбы.

– Это-то как раз и прискорбно.

– Перетопчешься.

– Приходится. А зря. Я был бы прекрасным любовником.

– Успокойся, мне такой любовник совершенно не нужен.

Подобные разговоры возникали у нас довольно часто, но, собственно, ничего не значили – так, болтовня...

– Смотри-ка, как тебя разбередило, – заметил Додик к концу ужина. – У тебя там что, какие-то амурчики были в классе?

– Господи, что ты все сводишь к амуркам? В классе не было амуров, а вот в Москве...

– Ну это понятно. Надеешься догнать ушедший поезд?

– Ни на что я не надеюсь, это вообще какое-то иррациональное чувство... Вдруг через столько лет потянуло в Москву. Захотелось пройтись по улицам, поглядеть, как там все теперь...

– Стареешь, подруга!

– Может быть...

– Но раз потянуло, значит, надо ехать. Где думаешь остановиться?

– В «Национале».

– Умом тронулась? Это же бешеные деньги!

- Как-нибудь осилю, это детская мечта.
- Не советую! Можно найти что-то и подешевле... Слушай, а хочешь, я позвоню одному приятелю, у него прекрасная квартира на Сретенке.
- Вот еще! Не желаю я никаких приятелей!
- Приятеля не будет, только его квартира! Он там практически не живет. Тебе это обойдется раз в пять дешевле!
- Я подумаю!
- Тут и думать нечего! С ума сошла – жить в «Национале»! Одна моя приятельница, богатая дама, остановилась в «Национале»! Завтрак в стоимость не входил, она позавтракала в гостинице и заплатила сорок долларов практически ни за что! Тебе это надо?
- А мечта?
- Идиотская мечта!
- От «Националя» до всего близко...
- От Сретенки тоже! И потом, учти еще такую вещь... Если ты своим одноклассникам скажешь, что остановилась в «Национале», тебя могут неправильно понять. Кто-то позавидует, кто-то презрительно фыркнет...
- Глупости, Додик, если такие дураки найдутся, то и черт с ними, мне на них плевать!
- Ну что ж, если тебе уж совсем некуда девать деньги... – Он как будто даже обиделся. – Сколько лет живешь в Голландии, а экономить не научилась.
- Я уже пять лет живу в Бельгии!
- Один хрен!
- Слышали бы тебя и те и другие, – засмеялась я. – Ты мне лучше скажи – неужели двадцать с лишним лет катятся к чертовой бабушке от одного звонка школьной подружки, о которой и не вспоминала все эти годы?
- Ностальгия – штука непридуманная... Но, кроме того, видимо, зерно упало в подготовленную почву...
- Ничего подобного, я и не помышляла...
- Ты просто не отдавала себе в этом отчета. Видимо, твой эмиграционный ресурс исчерпался, и организму, именно организму, а не такой эфемерной субстанции, как душа, понадобилось свидание с родиной. Недаром же Антей припадал к земле... Вот и тебе пришла пора припасть...
- Значит, когда ты в прошлом году мотался в Ленинград, ты тоже припадал?
- Да, я просто не считал нужным об этом говорить, но ощутил это именно так... Но там все немного сложнее... Я-то уехал мальчишкой из Ленинграда, а вернулся взрослым дядькой в Санкт-Петербург... К тому же город, по сравнению с Москвой, находится в довольно плачевном состоянии... Но все равно, я припал и теперь несколько лет могу жить спокойно. А умереть все же хотел бы там. Просто мне еще рановато об этом думать.
- Как это у Бродского? «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, на Васильевский остров я приду умирать»?
- Вот именно. И если позволишь, дам тебе еще один совет.
- Валяй!
- Советую тебе приехать в Москву за несколько дней до вашей знаменательной встречи. И не объявляйся никому. Походи по Москве, освойся, соберись с мыслями и чувствами, реши что-то для себя, а потом уж кидайся в омут встреч и воспоминаний...
- Додик, ты почему такой умный?
- От природы, что ж поделаешь. Сколько поколений умных евреев... Раввины, цадики, крупные физики...
- Это понятно, а вот как ты угадываешь мои мысли? Они еще не вызрели, не сформировались, а ты их уже высказываешь? Я сама уже что-то такое думала...

- Смотри-ка, оценила!
- Я тебя давно оценила, старый ты дурак!
- Боже, как ты непоследовательна!

Глава вторая

Тетка

Москва встретила меня холодом и цветущей сиренью. Я прилетела сюда в конце мая, последовав всем советам Додика – никому ничего не сообщив и сняв квартиру на Сретенке у его приятеля, который меня и встретил в Шереметьеве. Приятеля звали Юрой, он был очень приветлив и разговорчив, а квартира оказалась небольшой, но красивой, в новом шикарном доме с охраной.

– Это жена купила себе, когда была еще... не женой, одним словом. Нам тут тесно, продавать она не хочет, сдавать постоянно тоже, говорит, чужие засрут. Сами мы за городом живем, но иногда, по надежной рекомендации и ненадолго, почему не сдать, на булавки, как говорится? Так что живите на здоровье, я о вас много слышал от Додика. Вот вам все мои координаты, если вдруг что... Не дай бог что-то протечет или сломается, обращайтесь вот по этому телефону. Магазин тут прямо в доме, не бог весть что, но самое необходимое можно купить... Ну, вы же москвичка, разберетесь. Раз в неделю приходит женщина убираться, как раз вчера была, ее зовут Нонна Альбертовна, у нее есть ключи, но на всякий случай вот ее телефон. Я ее предупредил... Так, кажется, все. Одним словом, если будут вопросы, звоните мне, не стесняйтесь.

Все это он выпалил единым духом и умчался. А я осталась одна, в полном смятении чувств... Что делать? Как быть? Пока мы ехали из аэропорта, я смотрела в окно и мало что могла узнать. Море машин, пробки... А какое разнообразие марок... В моем детстве, если на улице появлялась заграничная машина, вокруг нее тут же собиралась толпа. Мужики голодными глазами смотрели на заморское диво, некоторые со знанием дела говорили, сколько цилиндров у этой марки, какая предельная скорость, сколько лошадиных сил и все в таком роде. А сейчас... Вон «бентли», а вон «ягуар», а уж о «мерседесах» и «ауди» говорить нечего! Этих как грязи... И реклама, всюду реклама! Раньше я помню только какие-то жуткие плакаты «Мир. Труд. Май», надписи на крышах: «Народ и партия едины», да дегенеративно прищуренного Ильича у въезда на Комсомольский проспект: «Верной дорогой идете, товарищи!» и почему-то совершенно не к месту вспомнился стишок, который ходил по Москве, когда у Калужской заставы поставили памятник Гагарину: «Москва, ликуй, тебе подарен железный х..., на нем Гагарин». Я спросила у Юры, как теперь называется Комсомольский проспект.

– А так и называется! И Комсомольская площадь тоже. Вообще комсомолу повезло, почти все названия сохранились, и «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», и даже Театр Ленинского комсомола, который, правда, теперь называется одним вполне благозвучным словом «Ленком», и молодежь понятия не имеет, что эта аббревиатура значит, – охотно отвечал мне Юра.

Я подошла к окну гостиной. Оно было занавешено тюлем и выходило на другое крыло этого же нового дома, который Юра назвал «элитным». Так что Москвы за окном я не увидела. Кухня по западной моде была соединена с гостиной, и ее окно выходило туда же. Я пошла в спальню. Ее окно смотрело в переулок, где стояли кирпичные дома, абсолютно ничем не примечательные, и один старый доходный дом, весь в лесах. Скоро и он обновится, приобретет совсем другой вид... Наверное, это хорошо... Но как-то странно... И вдруг я почувствовала смертельную усталость. Время – девятый час, еще совсем светло, абсолютно нестрашно, тем более дом, похоже, хорошо охраняется, но мне стало как-то неудобно. Надо поскорее обжить эту квартиру, купить цветов, что ли... Но все это завтра, завтра! Я молниеносно развесила вещи, приняла душ и юркнула в чужую чистую кровать, впрочем, она оказалась на удивление

удобной. Я хотела включить телевизор, но потом раздумала. Додик предупреждал, чтобы я не злоупотребляла телевидением, а то жизнь в Москве покажется мне слишком страшной.

– Ты сначала сама походи по городу, создай себе какой-то его образ, а уж потом смотри телевизор.

Додик уж точно плохого не посоветует. Книг в этом доме практически не было, только два затрепанных детектива в бумажной обложке и стопка глянцевого журналов. Я погасила свет и постаралась уснуть. Что вскоре мне и удалось.

Я проснулась рано и сразу ощутила зверский голод. В холодильнике стояло несколько йогуртов, десяток яиц, коробочка масла и упаковка плавленого сыра. А также хлеб для тостов. Юра позаботился, спасибо ему. Но чтобы нормально существовать, надо все-таки купить продуктов. Юра вчера сказал, что если выйти из Лукова переулка на Сретенку, сесть на троллейбус, то можно доехать до Рижского рынка, и там рядом есть еще и супермаркет. Мне вдруг стало весело. Тем более за окном светило солнце. Я свободна как ветер, я в родном городе, который сначала любила, потом ненавидела, а сейчас мне предстоит узнать его заново. Насколько я помнила, расстояние от Сретенки до Рижского вокзала не столь уж велико, и я решила пойти туда пешком, а обратно просто взять такси. Наскоро перекусив, я вышла из дома. Сретенка... Ее можно узнать, хотя многих домов уже нет, а многие изменились, помолодели, похорошели...

Кинотеатра «Уран» я не обнаружила, а впрочем, кажется, когда я уезжала, его уже не было? Не помню. Зато хорошо помню, как мы с Тоськой Бах бегали туда, когда прогуливали школу... Интересно, а «Форум» еще существует? Вот и бывшая Колхозная площадь, ныне Сухаревская. Справа какие-то палатки, круглое здание с рекламой японской закусочной. С ума сойти... Слева совсем новое здание торгового центра и отреставрированная церковь... Я уже заметила, что раньше церкви как-то стыдливо прятались, теперь же они, наоборот, как будто выставлялись напоказ... И на той стороне Садового кольца снесены многие домики. В одном из них был комиссионный магазин, где я купила себе первые туфли на высоких каблуках. Как сейчас их помню, черные замшевые лодочки с маленькой кожаной пупочкой... Как я была счастлива! Туфли были почти новые. Я решила немного отклониться от маршрута, чтобы посмотреть, существует ли «Форум» и гомеопатическая аптека рядом с ним. Я часто ездила туда за лекарствами для мамы. Она лечилась у гомеопата... А вот и «Форум», но он не функционирует, похоже, там ремонт. Зато аптека на месте, я хотела зайти внутрь, но передумала. Зачем? На другой стороне Садового кольца когда-то был хозяйственный магазин, теперь там обувной. Я перешла поверху сначала Садовое кольцо, потом и проспект Мира. Так. Книжный, кажется, и раньше здесь был, но в этот час он еще закрыт. Дальше торгуют сигарами, кафе-мороженое Баскин-Роббинс... Когда-то в Москве ходила легенда о том, что московское мороженое самое вкусное в мире. Тогда я в это верила. Но потом мне довелось пробовать мороженое в самых разных странах, и я решила, что это была просто патристическая легенда... Интересно, какое сейчас в Москве мороженое? Есть ли еще эскимо, фруктовое в бумажных стаканчиках? Но вот автоматов с газировкой, похоже, уже нигде нет...

Внезапно из-за дома выскочила девчонка лет шести, как-то воровато огляделась, словно ища, куда бы спрятаться. И тут же за ней выбежала пожилая женщина в куртке, накинутой поверх халата.

– Мура! – взвизгнула она. – Мура, не смей убегать, все папе скажу!

– А вот и не скажешь! – топнула ногой Мура. – Не скажешь!

– Немедленно домой!

– Ну, бабушка! – приготовилась реветь Мура.

– Я кому сказала!

Женщина схватила внучку за рукав и поволокла куда-то.

Мура! Как я могла забыть о Муре? Боже мой... Мура, моя родная тетка, мамина младшая сестра... Сколько же ей лет сейчас? Наверное, уже под шестьдесят. А жива ли она? Мне она и тогда казалась старой, ей было под сорок, когда я уехала... Я тогда возненавидела всех, кто так или иначе подталкивал меня к отъезду, а их было много и все желали мне добра, в том числе, конечно, и Мура...

– Дура ты, Динка, будешь жить как белый человек! Без очередей, без этого постоянного унижения из-за любого пустяка... Я вот еще молодая, красивая, а чтобы быть прилично, только прилично одетой, как мне приходится мудровать, сколько времени тратить... – твердила мне тогда Мура.

И вдруг я поняла, что безумно, до головной боли хочу ее видеть. К черту, к черту все, возьму сейчас такси и поеду к ней. Хотя, конечно, не факт, что она живет по старому адресу... Да и жива ли она вообще?

Мне Мура всегда нравилась, да что там, я ее просто обожала и втайне мечтала быть похожей на нее. Как она нравилась мужчинам, как умела покорять их... Большеглазая, темноволосая, статная, она лепила правду-матку в лицо, если кто-то ей не нравился... У Муры постоянно были какие-то романы, вокруг нее кипели страсти, вечно кто-то с кем-то дрался, кто-то кому-то угрожал, одним словом, мне, девчонке, казалось, что Мура живет полной жизнью, в отличие от мамы, которая после ухода отца словно завяла, да так и не ожила больше, стала медленно, но верно умирать... Но это было потом, а в детстве Мура вечно врывалась в наш дом и, заперевшись с мамой, изливала ей душу, а та даже с некоторой завистью, как мне иногда казалось, говорила: «Ох, и поблядуха ты, Мурка, ох и поблядуха!» В устах мамы, изысканно-интеллектуальной женщины, это звучало странно, как-то простонародно, что ли, и мне казалось: эта интонация – что-то вроде занавесочки, которой мама пыталась прикрыть свою женскую зависть... Хотя завидовать по всем маминым меркам было нечему. Мура не была замужем, у нее не было детей...

Я вышла на проезжую часть проспекта Мира и подняла руку. Почти сразу ко мне подкатила машина.

– На Шаболовку довезете?

За рулем старенького «Москвича» сидел такой же старенький человек.

– Как поедет? – скрипучим голосом осведомился он.

– Все равно.

– Ох, люди говорят «все равно», а потом начинают: почему так едешь, а не иначе. Вы уж лучше скажите!

– Мне действительно все равно, главное, поскорее туда попасть.

– Ну как хотите. А номер дома на Шаболовке какой?

– Не помню, я давно там не была, но я найду.

В машине я закрыла глаза, чтобы не пялиться на обновленные улицы, не отвлекаться от того совершенно забытого тепла, что разливалось внутри при воспоминании о беспутной тетке... Как я могла выкинуть ее из своей жизни на столько лет? За что? Боже мой, сейчас даже вспомнить страшно, какая ненависть ко всем и ко всему жила во мне в первые годы эмиграции... В ее огне сгорело и невеликое мое прошлое, да и настоящее она тоже выжигала. Как я жила тогда? И сколько лет меня все это мучило... А как я мучила всех, кто приближался ко мне... Я была одинока, и только Янек, польский эмигрант на десять лет старше меня, что-то понял, сумел разглядеть и полюбить... И я начала оттаивать, но прошлое, мне казалось, безвозвратно сгорело... А теперь...

– Мадам, вот Шаболовка, – прокрипел старичок.

Я открыла глаза. Шаболовка почти не изменилась. Слава богу!

– Вон к тому дому, пожалуйста!

Я подошла к подъезду. И тут мало что изменилось, только дверь была заперта. Ничего, скоро кто-то выйдет или войдет, я подожду... Господи, только бы она была жива... И вдруг я вспомнила, как она часто шутила: «Чтобы я уехала отсюда? Ни за что! Тут рядом два кладбища – Донское и Даниловское, соседкам будет близко ходить на мою могилку!» – и подмигивала мне, мол, это ерунда, я никогда не умру, не бойся...

Дверь открылась, вышел пожилой мужчина с шарпеем на поводке. Раньше в Москве шарпеев не было. Я проскользнула в подъезд. Пахло тут не слишком хорошо, и лифт не работал. Мне стало легче, вообще тут, на Шаболовке, все было ближе к прошлому... Я поднялась на третий этаж и с бешено бьющимся сердцем подошла к Муриной двери. На площадке было три квартиры. Но Мурина дверь была самой новой и элегантной. Я набрала в легкие воздух и позвонила.

– Кто там? – раздался молодой голос, не похожий на Мурин.

– Простите, Мария Сергеевна дома?

Дверь распахнулась. На пороге стояла девушка в одной майке, босая и растрепанная.

– Доброе утро. Вы к маме?

– Мне нужна Мария Сергеевна Северцева...

– А она на даче. И потом она не Северцева, а Юрьева. Северцева ее девичья фамилия.

– Так ты, значит, ее дочь?

– Ну да, а вы кто?

– Не знаю, говорила ли тебе мама... Я, собственно, ее племянница...

– Вы Дина? – закричала девушка. – Вы правда Дина?

У меня в горле стоял комок. Я только молча кивнула. Но девушка, видно, поняла мое состояние.

– Да вы заходите, что ж на лестнице стоять? Ой, вам плохо, да?

– Нет, нет, просто от волнения... Столько лет прошло... Я очень боялась... Но, слава богу, все хорошо, да?

– Ой, как мама обрадуется! Я ей сейчас позвоню!

– погоди, а как тебя зовут?

– Майя. Ой, а вы, значит, моя двоюродная сестра? Кузина, да? Супер! – захлопала в ладоши Майя.

– Тебя, конечно, называли в честь Плисецкой?

– А как вы догадались?

– Мура всегда была помешана на Плисецкой.

В этот момент из комнаты донеслось тихое покашливание. Майя вдруг залилась краской.

– Извините, пожалуйста, я... Я сейчас, да вы проходите на кухню, я кофе сделаю.

Она юркнула в комнату и прикрыла дверь, но я успела расслышать: «Быстро собирайся, моя кузина из-за бугра приехала».

Кухня была совершенно новая, с иголочки, уютная и красивая. Ни одной знакомой вещицы я не заметила. С ума сойти, Мура замужем, у нее взрослая дочка, и, судя по всему, она пошла в мать...

Входная дверь захлопнулась. В кухню вбежала Майя. Какая хорошенькая!

– Хотите кофе или какао? Я обожаю какао! Вы вообще завтракали? А то я с голоду поми-раю.

– Что ж ты своего кавалера голодным выпроводила? – улыбнулась я.

– Перебьется! Ну супер! У меня есть двоюродная сестра!

– И у меня тоже! Здорово! Знаешь, говори мне «ты», а то глупо как-то.

– Вау! Я рада! Ну, хочешь мюсли или яичницу, есть брынза, помидоры. Можно овсянку из пакетика замурцевать!

– Нет, спасибо, только чашку кофе.

- А какао категорически нет?
- Какао? – словно пробуя на вкус это слово, повторила я. – А давай, сто лет не пила какао!
- Класс! Я тебе сейчас такое какао подам, закачаешься! Ой, а ты, вообще, откуда взялась?
- Из Бенилюкса... – не придумала я ничего умнее.

Майя с любопытством на меня взглянула.

- Так из Бе, из Ни или из Люкса?
- Понимаешь, живу в Бе, работаю в Ни.
- Понятно. Между прочим, в Ни я была. Мы с подружкой ездили в Германию, и нас оттуда возили в Амстердам. Клевейший город! Мы там даже травку курили, в кафе... Но мне не понравилось...

- И слава богу!
- А ты пробовала травку?
- Я еще в Москве пробовала план, это почти одно и то же. Но никакого впечатления.
- А что-то покрепче?
- Нет, слишком хорошо представляю себе последствия. И тебе не советую.
- Да что ж я, больная? У меня тоже были друзья, теперь конченные наркоманы... Нет уж, в жизни и так много радостей!

Вскоре Майя поставила передо мной большую красивую кружку какао, и не успела я опомниться, как она накрыла ее большой шапкой взбитых сливок из баллончика.

- Класс, да? Ты попробуй! А хочешь туда немножко виски, вообще отпад будет!
- А давай!
- Супер! Слушай, Дина, ты почему столько лет пропадала, а?
- Это сложно объяснить...
- А ты попробуй!
- Знаешь, давай как-нибудь потом, когда я сама во всем разберусь.
- Ладно, как хочешь, давить на тебя не буду.
- Майя, а ты что, учишься или работаешь?
- Учусь! В МГУ, на мехмате!
- Боже ты мой, какой серьезный факультет!
- Да, неслабый! Но я хорошо учусь, сессию досрочно сдала, мы с ребятами собираемся в Турцию, на дельтапланах летать...
- Ты летаешь на дельтаплане?
- Да, это так клево! Мы осенью уже там были... Класс!
- Мама не возражает?
- А что толку?
- Понятно, поздний ребенок царь и бог в семье...
- Да нет, дело не в этом, просто папашка у меня тоже вроде как экстремал, и у мамы на меня уже сил не остается. Ой, Дина, а у тебя дети есть?

- Нет. Только два кота и собака.
- А у нас никого. У мамы аллергия на кошачью шерсть.
- Боже мой, я даже понятия не имела, что Мура замуж вышла! И ты... такой приятный сюрприз. Но расскажи о маме, папе... Он кто?
- Он – Эдуард Сошников! – с гордостью произнесла Майя. Судя по ее тону, всякий приличный человек должен знать, кто такой Эдуард Сошников. Но я не знала.

– Ой, ну ты же не в курсах! Эдуард Сошников – самый сейчас знаменитый писатель, он детективы пишет! У нас одно время бабы-детективницы всех по тиражам обогнали, но теперь папа занимает первую строчку! Вот так! Я тебе дам почитать! Хотя... тебе, наверное, не понравится...

- Почему?

– Не знаю, мне так кажется! Но это ничего, не страшно... Моим друзьям его книги тоже не очень нравятся... Ну и пусть, я не обижаюсь, у каждого свой вкус. У нас сейчас все тащатся от «Парфюмера»!

– От «Парфюмера»? Зюскинда?

– Ну да!

– Но это же старый роман, я его читала бог знает когда...

– Ну а у нас только сейчас разнюхали, чем пахнет этот парфюмер. Одного нашего парня интеллигентная литературная мама стала отговаривать от этой книги, а он ей прямо: «Позднук метаться, мать, уже прочитано!»

– А тебе понравился «Парфюмер»?

– Честно?

– Честно!

– Понимаешь, он местами жутко неприятный, просто с души воротит, но все-таки, по моему, это настоящее...

– Вот-вот, у меня были точно такие же впечатления.

– Правда? – просияла Майя. – А ты кем работаешь?

– Вообще-то я археолог, преподаю в маастрихтском университете.

– Значит, ты препод?

– Совершенно верно, Майя Эдуардовна.

Она вдруг рассмеялась:

– Да нет, я Майя Васильевна. Эдуард Сошников – это папин псевдоним, а на самом деле он Василий Васильевич Юрьев. Понимаешь, ему, когда он только начал писать детективы, в издательстве велели взять псевдоним, потому что уже есть другой детективщик Юрьев... А вообще-то папа авиаконструктор.

– Ну а мама-то как?

– Мама? Нормально! Очень даже клевая пис. дама!

– Что? – поперхнулась я.

– Ну, жена писателя, объясняю для неподготовленных. Она правит папины рукописи, следит за соблюдением авторских прав, а еще папа не любит компьютер, так мама набирает все. Ну и еще готовит, следит за здоровьем... Софья Андреевна наших дней, я так ее дразню. Ну и садом занимается, вкалывает по-черному, если разобраться. Но у них такая любовь, прямо старосветские помещики.

– Они постоянно живут за городом?

– Да, хотя у них есть квартира, но небольшая. А эту отдали мне. Слушай, я хочу тебя попросить... – она слегка потупилась.

– Не говорить маме, что у тебя тут парень ночевал?

– Ага, если можно...

– Но мама, наверное, догадывается?

– Она про другого догадывается...

– Но я же понятия не имею, который тут был, – расхохоталась я. – Поэтому лучше вообще промолчу.

– Да, правда... И потом, она так удивится, когда тебя увидит, ей не до того будет. Слушай, а давай прямо сейчас махнем на дачу? Устроим сюрприз! Я хочу это видеть! А потом папашка вставит эпизод в очередную нетленку!

– Мне немного страшно... Вдруг мама не захочет меня видеть?

– Мама? Не захочет? Я тебя умоляю! Сколько раз она вздыхала: «Ах, Диночка, бедная девочка, как она там одна?» Она ничего о тебе не знала. Случайно до нее дошло, что ты когда-то виделась со своим отцом. Но он даже ничего не сказал. Они отношений не поддерживают.

Мама тогда позвонила ему, а он ее отшил... Вот на него она в обиде, а тебе будет рада до смерти! Правда-правда! Давай, поехали!

– А это далеко?

– Да нет! За час доберемся!

– На электричке?

– Зачем? У меня авто! Папашка на восемнадцатилетие отдал свой старый «жигуль». Знаешь, как я вожу! Формула–1 по мне плачет!

– Гоняешь как бешеная?

– Ничего подобного, просто вожу виртуозно, у меня талант... Я, когда на права сдавала, мне инструктор сказал, что я нутром машину чувствую... Не бойся, поедem на нормальной скорости, даже без ветерка. Ветеранов я вожу без ветерка! Ой, ты не обиделась?

– Знаешь, ты внешне не очень похожа на мать, но...

– Но у меня ее обаяние, да? Мне уже говорили!

– А ты уверена...

– Уверена, уверена, погоди пять минут, я только оденусь! Слушай, ты давно приехала?

– Вчера вечером.

– И прямо поутряночке к нам? Супер!

Действительно, через пять минут мы уже садились в темно-синие «Жигули»—«шестерку». Я помнила, как когда-то Костя Иванишин объяснял мне: «Если с молдингами, значит, «шестерка»!»

– Майя, наверное, надо что-то купить... Ну, какие-то продукты...

– Зачем? – искренне удивилась Майя. – Думаешь, тебя обедом не накормят?

– На даче всегда сложно с продуктами...

– Ну ты даешь! Ты куда приехала, а? Этих проблем уже нет, запомни!

– Хорошо, тогда давай заедем в какой-нибудь хороший магазин, я куплю конфет, что ли, вина, коньяку, ну я не знаю... Понимаешь, я ведь не собиралась... Я сама не знала... – жалко лепетала я, чувствуя себя последней скотиной... Как я могла ничего не привезти Муре из-за границы, могла забыть о ней вообще?

– Ну как тебе Москва?

– Супер!

– Молодец, схватываешь на лету! – одобрительно засмеялась Майя.

Я все-таки настояла на том, чтобы Майя привезла меня к супермаркету, где я в изумлении взирала на полные товаров витрины. И это в Москве, где купить нормальные продукты было всегда проблемой, а уж о выборе и говорить не приходилось. И пахло здесь, как в хороших европейских магазинах, а не лежалой, если не тухлой рыбой, как некогда... Я купила бутылку «Хеннесси», французский сыр, бельгийские конфеты и большой кусок севрюги. А когда подошла с покупками к кассе, кассирша, мило улыбнувшись, вручила мне чек со словами:

– Подойдите, пожалуйста, к администратору в центре зала, вам выдадут дисконтную карточку, это подарок от магазина.

Обалдеть!

Я, конечно, подошла, получила карточку... Когда впервые я столкнулась с этим за границей, то была потрясена и еще пуще возненавидела нищую оставленную родину и зажавшуюся Европу, которая уж не знает, что придумать, чтобы запудрить людям мозги... Какая же я была дура! Несчастливая, кипящая ненавистью дура. Сейчас я только умилилась, что, разумеется, тоже глупо... Есть о чем говорить, казалось бы, а вот поди ж ты... Неподалеку от магазина торговали цветами, и я купила букет роз. Цветов много, но с Голландией, конечно, не сравнишь. А с другими странами сравнить уже можно. Только тут они стоят непомерно дорого.

– Ну и на фиг ты все это накупила? Особенно цветы?

– Муре всегда любила розы, я помню!

– Ладно, дело твое. Ну все, можем ехать?

– Да! И чем быстрее, тем лучше. – У меня внутри уже все дрожало от нетерпения.

Майя весело что-то болтала, я почти не вникала в смысл ее слов, терзаемая раскаянием – как, почему, за что я когда-то вычеркнула из жизни Муру? Что плохого она мне сделала? Я ведь любила ее. Боже мой, каким уродом я была тогда...

– Ну вот и наш поселок! – возвестила Майя. – Ой, ты такая бледная! Волнуешься?

– Ужасно, – честно призналась я.

– Да ладно, сейчас столько крику будет, столько визгу! Мать задушит в объятиях, а потом начнет кормить на убой! И ни о чем не будет спрашивать, пока не убедится, что ты здорова, сыта, пьяна и нос в табаке. Это уже наша улица!

Улица представляла собой два сплошных ряда высоченных глухих заборов, выкрашенных темно-зеленой краской, через которые перевешивались ветви старых деревьев.

– Унылая картинка, да? – улыбнулась Майя. – Не то что у вас в Бенилюксе! Ничего не попишешь, старый генеральский поселок. Приехали! – Она выскочила из машины и открыла ворота. Потом вернулась и принялась неистово сигналить, прежде чем въехать. Я увидела, что на крыльцо старого двухэтажного дома выскочил мужчина в шортах, немолодой, с кривоватыми ногами. Майя въехала на участок, продолжая сигналить. И тут из дома выбежала Мура. Из машины мне показалось, что она совсем не изменилась...

– Майка, прекрати хулиганить! – крикнул мужчина.

– Тебе помочь выйти? – шепнула Майя.

– Нет, я сама... – Я попыталась открыть дверцу, но руки меня не слушались.

– Мама! Мама! Иди сюда, смотри, кого я привезла! Обалдеешь!

Я все-таки справилась с дверцей, вылезла и остановилась, а Мура, близоруко шурясь, спешила к машине. Я стояла столбом. Она вдруг тоже остановилась, нас разделяло метра два. И вдруг она всплеснула руками, потом бессильно их опустила.

– Это ты?

– Я.

– Господи, какое счастье! – негромко проговорила она, и мы бросились друг другу в объятия, заливаясь слезами. – Динка, Диночка, детка моя, боже мой, я и не чаяла... Как ты меня нашла? Дай я на тебя посмотрю! Вася, Вася, скорее, Вася, это Дина, Дина приехала!

Подошел Вася.

– Мурочка, ты задушишь девушку!

– А на меня, значит, ноль внимания, фунт презрения? – со смехом спросила Майя. – А кто, между прочим, вам устроил эти именины сердца, а?

Но мать, казалось, ее даже не услышала.

– Динка, какая ж ты умница, что нашлась... Вася, ты помнишь, мне вчера сон приснился, я еще тебе говорила, что видела во сне ее маму, вот к чему был этот сон, вот и не верь после этого снам. Какая ты стала... взрослая... А я уж совсем старая...

– Не выдумывай, ты вообще не изменилась.

Вася между тем закрыл ворота.

– Ну, девушки, идемте в дом... Что ж тут стоять на солнцепеке...

– Пап, погоди, возьми вот, Дина тут накупила...

Они выгружали из машины мои покупки, а мы с Мурой стояли обнявшись и молчали, как будто принимаясь друг к другу. Не знаю, что ощущала она, а я вдруг ощутила радостный покой.

– Мурочка, прости меня, если можешь...

– Господи, да за что прощать-то? Я так рада!

Майя с отцом ушли, а мы все стояли.

Наконец Мура спохватилась:

- Да что ж мы стоим, как две идиотки? Пошли, пошли... Ты откуда? Надолго ли?
- Недели на две...
- Ой, как мало... Ты есть хочешь?
- Что? Нет, не хочу! Мурочка, какая у тебя дочка, я и не знала...
- Да... надо же... Ой, а как ты ее нашла?
- Просто приехала на Шаболовку, позвонила в дверь, а там дочка...
- Хорошая девка, правда?
- Просто прелесть!
- А у тебя дети-то есть?
- Я молча покачала головой.
- Ничего, еще не поздно, я вон в тридцать девять родила...
- Мне уже сорок два, и вообще...
- Мама, у тебя что-то горит! – не своим голосом закричала из дома Майя.
- О господи! – схватилась за голову Мура и помчалась в дом. Я нерешительно двинулась за ней, и тут же мне навстречу вышел Вася. Он успел переодеться, теперь на нем были брюки и черная футболка с надписью «Да!»
- Очень рад познакомиться! – Он взял мою руку и поднес к губам. – Много слышал о вас. Сколько ж лет вы не были в России?
- Больше двадцати.
- Потянуло на родину?
- Знаете, я... Меня пригласили на встречу одноклассников, и я вдруг поняла, что безумно хочу в Москву.
- Встреча одноклассников? Сейчас это стало модно... Есть даже телепередача... Ваша встреча уже состоялась?
- Нет, я только вчера приехала.
- И где вы остановились?
- Сняла квартиру в Луковом переулке.
- Ну зачем это? Перебирайтесь к нам, Мура будет счастлива!
- Спасибо, я очень вам признательна, но предпочитаю жить, никого не обременяя...
- Мура вам все равно не даст! Кстати, вы можете жить в нашей городской квартире... Зачем платить деньги, если можно их не платить?
- Спасибо, но я заплатила вперед.
- Ну что с вами делать!
- Тут появилась Мура.
- Еще минутка – и картошка бы сгорела! – покачала она головой. – Динка, Вася тебя тут охмуряет?
- Я сидела на диванчике, она подошла, села рядом, обняла меня.
- Скоро будем обедать, ты любишь зеленые щи?
- Обожаю.
- Вот и хорошо! А потом ты мне все расскажешь! Вася после обеда спит, Майка умчится в город... Ты ведь останешься у нас?
- Ну если только до утра... Мне еще надо... Кстати, как отсюда можно добраться до Москвы без машины?
- Я вас отвезу до станции, – сказал Вася. – Мураша, во сколько мы будем обедать? У меня есть часок на работу?
- Да.
- Вася ушел.
- Ты с отцом видишься?
- Нет.

- И не собираешься?
 - Еще не решила... А ты что-нибудь о нем знаешь?
 - Так, слышала кое-что...
 - Он все с той же женой?
 - Да где там! Лет шесть назад переженлся. Теперь у него пятилетний сын.
 - Во дает! – ахнула я. – Значит, у меня есть маленький брат?
 - И еще сестра, почти ровесница Майки. Красавица, надо сказать!
 - Ты ее видишь?
 - Видела года два назад в театре. Она была там с твоим папашей. А вот мальчонку ни разу не видела.
 - А бабушка? Она умерла?
 - Да нет, живехонька, ей уже под девяносто. Но, кажется, она в полном здравии. А вот Андрей твой умер года три назад.
 - Я это чувствовала... Не знаешь, где он похоронен? Кстати, давай к маме на кладбище съездим?
 - Господи, обязательно! Я за могилой слежу, ты не думай... А где Андрея похоронили, не знаю. Отец твой, возможно, и знает, а я просто прочла некролог в газете... Тебя сразу вспомнила, как ты из-за него с ума сходила... Он и вправду был хорош... Ой, Динка, пошли на кухню. Ты зелень нарезать в состоянии?
 - Конечно! Могу и что-то посложнее сделать.
 - А ты... Ты замужем?
 - Нет... Муж умер уже довольно давно.
 - Ну а любовник-то хоть есть?
 - Сейчас и любовника нет.
 - С ума сошла? Как можно в твоём возрасте?
 - Что-то никто не нравится.
 - А ты работаешь?
 - Да, разумеется, преподаю, я археолог.
 - Ты археолог? – безмерно удивилась Мура.
 - Да.
 - С ума сойти, вот уж никогда бы не подумала, что тебя потянет в далекое прошлое...
- Где же ты училась?
- В Германии, в Гейдельберге.
 - Ой, Динка, я так хочу все о тебе узнать...
- Но она не договорила, в кухню ворвалась Майя и плюхнулась на табурет.
- Ну что, мам, хорош сюрпризец, а? Кайф, я просто тащусь – у меня двоюродная сестра!
 - Подумаешь, новости, я всегда тебе говорила, что у тебя есть двоюродная сестра.
 - Ну мало ли кто у меня еще есть в огромном блистающем мире! Может, папуля настрогал еще две дюжины детишек, прежде чем тебя встретил, но я то их не знаю! Очень может быть, у меня есть клеветный единокровный старший брат, мечта всех девчонок! Гонщик Формулы-1! Или великий ученый!
 - Размечталась, дурища! Кстати, как Алик?
 - Да нормально! – Майка поскунела. – Мам, скоро обед?
 - Накрывай на стол!
 - Слушаюсь!
 - Мурочка, ты мне тоже должна будешь рассказать все.
 - О чем это?
 - О Васе, о вашем романе...

– Господи, когда это было! – растрогалась Мура. – Знаешь, я... Помнишь, твоя мама меня поблядухой звала?

– Еще бы!

– И она права была, но как Васю встретила – все, как отрезало, ни на одного мужика и смотреть не хотелось... Теперь уж что говорить, но тогда, помню, все удивлялись.

– Ты стала верная супруга и добродетельная мать?

– Ты еще помнишь русскую поэзию? – умилилась Мура. – И кстати, ты прекрасно сохранила язык. Сейчас масса эмигрантов приезжает, многие уже плохо говорят... Слушай, а что это за история, ну, будто бы ты кого-то там чуть ли не отравила?

– Боже, Мура, и ты могла в это поверить? – с тоской спросила я. Неужели эта гнусная выдумка обсуждается уже и здесь? Наверняка. Вот и Тоська вскользь упомянула...

– Нет, я не поверила, бред сивой кобылы, я сразу поняла. Если тебе неприятно об этом говорить, не надо! Забудь!

Но настроение у меня упало. И Мура сразу это почувствовала.

– Ты расстроилась, да?

– Мне эта глупость столько крови испортила...

– Все, забыли, или, как выражаются Майкины друзья, забили! Мы на это забили!

– Ну забили так забили. Как-нибудь я тебе расскажу, чтобы ты ничего такого не думала, но сейчас неохота портить настроение, понимаешь?

– Прекрасно понимаю!

Глава третья

Кот на ограде

Обед на веранде показался мне верхом кулинарного наслаждения. И хотя мне случалось обедать в самых шикарных ресторанах, даже у Максима в Париже, но, по-моему, я нигде не ела ничего вкуснее Муриных зеленых щей со сметаной и половинкой яйца в тарелке, котлет с молодой картошкой, золотистой от растопленного масла и щедро посыпанной укропом, и клюквенного киселя! Я забыла о всех правилах разумного рационального питания, подсчете калорий, уписывала за обе щеки.

– Ой, как приятно, что у тебя такой хороший аппетит! – умилялась Мура. – Хочешь еще кисельку?

– О нет, спасибо, я уже еле дышу! Просто все так вкусно... Все такое родное... Ты знаешь, в Бельгии нельзя купить нормальную сметану. Ее там просто нет! Я привожу ее из Германии, когда там бываю.

Майка поцеловала всех нас на прощание и умчалась.

– Мура, по-моему, у Диночки слипаются глаза. Ей надо поспать! – мягко заметил Вася.

– После такого обеда еще и спать? – ужаснулась я, но в сон меня клонило неудержимо.

– Ничего! Сегодня у тебя было столько волнений, что все калории сгорели, – засмеялась Мура, – а еще вечером мы с тобой пойдем погуляем, у нас тут красивые места. Ты где предпочитаешь спать, в доме или в саду?

– В саду!

– Пошли тогда!

Мура провела меня в заднюю часть сада, где на лужайке стояла полосатая качалка-диванчик под тентом, которая в моем детстве представлялась мне верхом красивой жизни. Я видела такое только в кино и редких зарубежных журналах.

– Тебе тут удобно будет? Хочешь, я ее закреплю, чтобы не качалась? Помнишь, как ты не любила гамак?

– Ну еще бы, он так больно врезался в кожу...

Мура убедилась в том, что мне удобно, поцеловала меня и ушла. Но сразу вернулась и принесла махровую простыню.

– Накройся, а то мошки какие-нибудь...

Я закрыла глаза и тут же провалилась в сон. Не знаю, сколько я спала, но проснулась от чьего-то задуманного голоса:

– Барсик, Барсик!

Я открыла глаза, и взору моему представилась картина достаточно уморительная. На высоченной, под три метра кирпичной ограде, отделявшей Муриный участок от соседнего, сидел здоровенный, толстый кот, пушистый, полосатый, а к нему по ограде подползал мужчина с куском сырого мяса в руке.

– Барсик, миленький, хороший, поешь, ну, пожалуйста...

Стена была узковата даже для кота, его мохнатое пузо на ней не умещалось. Хозяину наверняка было не слишком удобно ползти. Я чуть не скончалась от хохота. Мужчина не замечал меня, он был слишком целеустремлен. Но Барсик взирал на него весьма надменно.

– Барсик, поешь, я тебя умоляю!

Тут уж я не выдержала.

– Послушайте, он не похож на голодающего, ваш Барсик! – сказала я и тут же испугалась, что мужик сейчас свалится с ограды. Но ничуть не бывало.

– Здравствуйте, – невозмутимо сказал он. – Ради бога извините, просто кот третий день ничего не ест, а вчера залез сюда и сидит... Хозяева уехали, и мне его поручили... Я за этим поганцем ползаю, а он как будто смеется. Извините еще раз.

Мне стало жалко бедолагу. Наверное, больно лежать пузом на кирпичной ограде. И тут я заметила у гаража лестницу-стремянку. План созрел мгновенно.

– Попробую вам помочь. Вы зовите его, отвлекайте, а я зайду с тыла.

Я прислонила стремянку к стене позади кота, тихонько влезла и затаилась, чтобы не спугнуть его. Он сперва беспокойно вертел головой, но потом, видно, решил, что я никакой опасности для него не представляю. А мужик продолжал подлизываться к коту:

– Барсик, Барсинька, хороший, ну иди сюда, иди!

И тут я схватила кота. Он возмущенно взвыл, но я умею обращаться с котами.

– Ну, тихо, тихо, ничего плохого я тебе не сделаю. – Я прижала его к себе, он, как ни странно, не пытался выдраться, а доверчиво прильнул ко мне. Видимо, он не только из вредности сидел на стене, а, забравшись туда, боялся слезть. С моим Мойшей вечно происходит то же самое. Уж сколько раз я доставала его с деревьев... А Барсик вдруг громко запел. – Ах ты, умница, какой чудный кот.

Мужик на стене кашлянул, словно напоминая о себе.

– Э... вы позволите спрыгнуть к вам? Чтобы я мог его забрать.

– Пожалуйста!

Он довольно ловко соскочил с высокой ограды. И еще помог мне слезть со стремянки. Но Барсик не пожелал идти к нему, а судорожно вцепился в меня.

– Вот сволочь! – в сердцах сказал мужик. – Простите... это я про него.

– Не волнуйтесь, я поняла. Да что вы тычете ему мясо, он пережил стресс и совсем не хочет есть.

– Какой еще стресс? – В его голосе послышалось возмущение.

– Я вам потом объясню.

– Но что же мне делать?

– Я отнесу его к вам, он окажется дома, в спокойной обстановке, и через час-другой попросит есть.

– В самом деле? Я вам страшно благодарен. Идемте.

Попав на соседний участок, я сразу поняла – кирпичную стену воздвигли не Мура с Васей. Дом соседей был новый, с иголочки, и поражал великолепием и безвкусицей.

Едва мы поднялись на террасу, похожую на круглый аквариум, Барсик сразу успокоился и охотно перешел с рук на низкое леопардовое кресло. И сразу начал умываться.

– У меня нет слов! – воскликнул мужик, а я наконец посмотрела на него. А он на меня. Он был большой, рыжий, синеглазый и показался мне весьма привлекательным. И при этом он очень серьезно, и я бы даже сказала потрясенно, смотрел на меня.

– Как вас зовут? – спросил он вдруг.

– Дина.

– А меня Сергей. Вот и познакомились... Вы тут постоянно живете?

– Где?

– На даче.

– Нет, я тут в гостях.

– У вас комар...

– Что? – не поняла я.

Он вдруг довольно сильно хлопнул меня по лбу.

Я отшатнулась:

– Вы с ума сошли?

– Комар же! – Он протянул мне огромную раскрытую ладонь с кровавым трупиком комара. – Простите, я сделал вам больно?

– У вас тяжелая рука!

– Мне это уже говорили, – смущенно улыбнулся он.

– Смотрите, Барсик спит. Вот что значит родные стены, – предпочла я перевести разговор.

– Вы иностранка? – вдруг спросил он.

– С чего вы взяли?

– Сам не знаю, вдруг показалось... Я не прав?

– Да нет, в общем-то, правы, я больше двадцати лет иностранка...

– И где вы живете?

– В Бельгии.

– Дина, я сам не знаю... Ерунда какая-то... Кажется, я в вас влюбился. С первого взгляда... Я, наверно, веду себя как полный идиот, да?

И вдруг я услышала громкий голос Муры:

– Дина! Ди-и-ина! Где ты? Дина!

– Простите, мне пора, меня уже ищут!

– Что ж, вы так и уйдете?

– А что вы предлагаете?

– Сколько вы тут пробудете?

– Собираюсь завтра вернуться в город.

– У вас есть мобильник?

– Разумеется.

– Диктуйте номер, я вам завтра позвоню! А может, еще сегодня, если будет неважно.

– Вася! Вася! Дина куда-то пропала! Дина! Дина!

– Иду! – крикнула я и побежала к калитке.

– Господи, детка, куда ты делаешь? Я уж не знала, что и думать! – кинулась ко мне Мура.

– Понимаешь, кот соседский на забор залез, пришлось помочь его оттуда снять!

– Барсик?

– Ну да, Барсик.

– С ним это не первый раз, и он почему-то идет на руки только к их шоферу.

– Вот и ко мне пошел.

– А кто там был, Рита?

– Какой-то знакомый хозяев. Они в отъезде.

– А! Ну слава богу, я уж испугалась... Ты хоть поспала? Удалось?

– Да, спасибо, чудесно поспала.

– Тебя комар укусил. Странно, в этом году мало комаров.

Поздним вечером, отправив Васю спать, мы с Мурой сидели вдвоем, пили чай и говорили, не могли наговориться, но разговор был сумбурный, стройного рассказа о жизни ни у меня, ни у нее не получалось. Мы то и дело сбивались на общие воспоминания о маме, о моем детстве и юности, о ее молодости, ее романах. Я вспоминала ее подруг, она моих.

– Ох, Динка, уже второй час! Надо ложиться, мы рано тут встаем, а ты спи сколько влезет.

– Нет, я вообще плохо сплю и встаю рано...

– Плохо спишь, потому что одна!

– Ерунда! А ты мне так ничего и не рассказала.

– Естественно, слишком много нахлынуло... Но мы же не последний раз разговариваем! Ты должна приехать к нам на несколько дней, тут ведь хорошо, правда?

– Да если б даже тут было плохо, я все равно ни за что не хочу снова тебя потерять. И мне очень нравится твой Вася, а Майка просто прелесть. Вы должны все приехать ко мне! У меня большой дом...

– Обязательно приедем, но лучше я приеду одна! Хоть отдохну от домашних дел, вот тогда-то мы и наговоримся. У тебя есть камин?

– Есть!

– Сядем с тобой у камина и будем говорить без помех... А с отцом ты все же повидайся. Надо, детка.

– Не уверена.

– И с бабушкой повидайся, а то, не дай Бог, помрет, будешь жалеть. А кстати, почему вы с отцом только один раз виделись?

– И то случайно.

– Случайно?

– Ну да, совершенно случайно столкнулись в Париже, в ресторане, он там был не один, с какими-то французами, и договорились встретиться на другой день...

– И не встретились? – ахнула Мура.

– Ну почему же, встретились. Но как совершенно чужие люди... Он словно испытывал неловкость, ему это общение было в тягость...

– А тебе?

– И мне тоже, но как бы это объяснить... Мне было тяжело... в ответ.

– Думаю, ты неверно расставила акценты. Ему было тяжело оттого, что ты сама не желала поддерживать отношения с ним, со всеми нами... Думаешь, я не поняла, что ты во многом нас винила? Сколько лет прошло, я до сих пор помню твои глаза несчастного котенка, которого неведомо куда тащат и неведомо, что с ним будут делать... Я, когда вас провожала в Шереметьеве, вдруг страшно пожалела, что уговорила тебя выйти замуж, уехать, мне показалось, что ты нас всех ненавидишь. И не слишком удивилась, когда ты исчезла, не стала отвечать на письма и звонки...

– Это правда, я тогда ненавидела весь мир... И больше всех себя и своего дурацкого мужа... Я через три месяца бросила его...

– И что? – немного испуганно спросила Мура.

– Не поверишь... Подалась к рокерам.

– К каким рокерам?

– Сейчас они, кажется, называются байкерами... Ну, которые гоняют на мотоциклах. В Союзе их, по-моему, тогда еще не было, а там... Сошлась с парнем, студентом, он изучал славистику, неплохо говорил по-русски и меня тоже изучал как занятный экспонат... А я и его ненавидела, потому что это было не мое, вся эта рокерская жизнь... Она была мне не менее противна, чем все остальное. А потом... Не знаю, что было бы со мной, если б я на своем дряхлом мотоцикле не сбила Янека... Он был старше меня на десять лет. Его родителей, польских евреев, еще Гомулка выслал в Израиль, но он потом перебрался в Германию и преподавал в Гейдельбергском университете. И он в меня влюбился.

– За то, что ты его сшибла?

– Я так тогда испугалась... А он меня пожалел... Все про меня понял и увез в Египет, на раскопки... Он говорил: «Тебе надо окунуться в далекое прошлое, погрузиться с головой, тогда ты успокоишься...» И оказался прав. Прошлое и пустыня вылечили меня. Не сразу, но вылечили. И еще любовь... Он любил меня, не стремился отделаться от меня и моих проблем, он просто их решал. Заставил меня пойти учиться, заниматься языками.

– Ну, ты же очень способна к языкам. С детства на лету все хватала.

– Да, языки мне даются легко.

– А где этот Янек теперь?

– Не знаю. Когда я встала на ноги, он ушел от меня. Взялся спасать еще какую-то девицу, на сей раз из Бразилии...

– И сколько лет ты с ним прожила?

– Восемь.

– Но ты не любила его?

– Я? Я-то любила, и, когда он ушел, мне показалось, что мир рухнул... Но я поехала на раскопки, окунулась в далекое прошлое и вылечилась, на сей раз уже сама. И заодно поняла, что, собственно, все вполне логично. Янек был спасателем по призванию. И когда меня спасать уже было не от чего, он просто утратил ко мне всякий интерес, в том числе и сексуальный. Ну что ж, я его забыла, как забыла Москву, потом рокерские скитания... Я взялась за голландский и задалась целью найти достойную работу в Голландии, потому что там скапливалась потихонечку группа русских эмигрантов. Существовал даже такой спорт: студенты-слависты ездили стажироваться в Россию, женились там по рекомендации на русских и, соответственно, выходили замуж и так вывозили людей в свободный мир. А я еще в Гейдельберге познакомилась с одним таким вывезенным из Ленинграда парнем, мы очень подружились и до сих пор дружим.

– Только дружите?

– О да, он герой не моего романа, но близкий мне человек по духу. И у меня все получилось, я переехала в Голландию, стала работать там, меня неплохо приняли в эмигрантских кругах... Мне казалось, что жизнь наконец наладилась, и я стала мечтать о ребенке. Придумала, что найду себе красивого, а главное – здорового и с высоким ай-кью парня, забеременею и рожу себе ребенка. Голландия весьма подходящая для этого страна, там социальные структуры так высоко развиты, что... Одним словом, там мать-одиночка вполне может прожить даже без работы, а у меня была хорошая работа, но тут...

– Что? – испуганно выдохнула Мура.

– Я встретила человека, которого звали точно так же, как героя моей любимой детской книжки... Помнишь, «Серебряные коньки»?

– Ну еще бы! И как же его звали? Неужели Питер ван Хольп?

– Совершенно верно, – рассмеялась я, – Питер ван Хольп.

– Он был красивый?

– Да, пожалуй, его можно было назвать красивым. Высокий, статный, голубоглазый. Мы познакомились в доме одной эмигрантки, любовницы богатого еврея из Ирака. У них были какие-то общие дела. Начался бешеный роман, и через полгода мы поженились. И вот этого мне не простили.

– Кто?

– Эмигрантские круги. Я прекратила с ними всякое общение, со всеми, кроме Додика... А когда Питер внезапно умер, они придумали эту жуткую историю... Питер ведь был довольно богатым человеком, и все наследство досталось мне. Короче говоря, там сплели такую паутину, что будь здоров! Мол, я хотела получить наследство и отравила Питера каким-то таинственным ядом...

– И что?

– В результате ничего, но нервы мне потрепали изрядно. Одно могу сказать – эмиграция штука ох какая несладкая! И движущая сила там – зависть, ну а у нас еще нашлись люди редкостно гнусные, особенно один незадачливый музыкант с сестрой. Они больше всех старались, даже в полицию написали, что я отравила и своего первого мужа, но тут им не повезло – тот был живехонек—здоровехонек, короче, вся история разъяснилась в три дня, но знаешь, как в старом анекдоте – то ли он украл, то ли у него украли, но осадок остался. И в результате я продала дом и перебралась в Бельгию, в маленький уютный городишко, подальше от этой паучьей компании. Я, знаешь ли, археолог, и арахнология не моя наука. Но, как я вижу, слухи дошли и до Москвы.

– Погоди, раз уж ты об этом сама заговорила... Отчего все-таки умер твой муж?

– У него, как выяснилось при вскрытии, была какая-то редкая болезнь, он подцепил ее в джунглях Амазонки. Но я ничего об этом не знала, он никогда не говорил, да, наверное, и сам не знал... Он вдруг плохо себя почувствовал, у него поднялась температура, ну, мы решили, что это простуда, он выпил аспирин, я даже не волновалась особенно, а утром он стал задыхаться и как-то страшно распух в течение получаса, когда врач приехал, все было кончено. И он сказал, что это похоже на отравление... Ну и закрутилось... Одна дамочка даже ухитрилась сообщить в газеты, что меня подозревают в убийстве. Но подозревали меня ровно сутки... А вони было, вони... Говорили, что я дала взятку патологоанатому. Они в своем рвении как-то забыли, что это не Россия...

– Господи, неужто все эмигранты такие сволочи?

– Боже упаси, там масса хороших людей, но очень многие, даже большинство, стали как-то странно на меня посматривать, держались весьма сухо, и за моей спиной часто возникал шепоток. Мол, дыма без огня не бывает и все такое... Да что говорить, меня не одну там подвергали остракизму. Например, про очень милую даму из Риги говорили, что ее дочь, оставшаяся в Латвии, собирается отнять квартиру у еще одной рижанки, попавшей в Амстердам... Выдумки чистой воды, но и эта дама тоже предпочла уехать, не выдержала, так что сама понимаешь...

– Тьфу! Не желаю больше говорить на эту тему. Но с отцом все же хотя бы созвонись, а лучше бы повидаться. Если тебе сложно, я могу сама ему позвонить, хочешь?

– Нет, я уже большая девочка.... А кстати, кто тебе-то сказал про мою историю, а?

– Да какая разница? Ты мне лучше скажи, после смерти мужа у тебя кто-нибудь был?

– Бывали, я бы так сказала, но если честно, что-то мужиков нет на горизонте. Перевелись, что ли, вымерли? Мужик – это ж не только член...

– Ты, как всегда, зришь в корень! – засмеялась Мура. – Ну все, смотри, уже светает, спи давай!

– Попробую. Ты прости, что так тебя заболтала, ты же рано встаешь...

– Не страшно, могу и днем поспать, не развалюсь.

– Должна тебе заметить, что ты прекрасно выглядишь! Никогда не дала бы тебе твоих лет!

– Наверное, оттого, что на воздухе живу! Спокойной ночи, детка, я сегодня просто счастлива. Спи!

И она ушла. А у меня сна не было ни в одном глазу, слишком все разбередилось, ожило... Наверное, все же Мура права, надо встретиться с отцом и бабкой, так сказать, для очистки совести. Хотя и страшновато... Но тут в памяти всплыли слова незадачливого котолова: «Кажется, я в вас влюбился...» Смешно, ей-богу. Влюбился он... Видали мы таких. Хотел вечером позвонить и не позвонил! Ну и не надо, это ведь он влюбился, а не я. Интересно, я еще способна влюбиться? Додик перед отъездом меня предостерегал: «Смотри, подруга, надышишься дымом отечества, могут всякие несвоевременные мысли появиться, о любви например. Романтика всякая полезет в твою преподавательскую голову, и как теперь говорят в России, крыша съедет, глупостей наделаешь...» Нет, не наделаю я глупостей, и никакая романтика в голову не полезет. Мне тут и без любви хватает эмоций, а ведь это еще только начало, так что рыжий ловец котов пусть спит спокойно.

Глава четвертая

Мне оно надо?

Утром Мура потребовала, чтобы Вася отвез нас обеих в город, она хотела во что бы то ни стало видеть, где и как я устроилась.

– Заодно и к Майке нагряну, посмотрю, не заросла ли грязью... Доверяй, но проверяй. А вообще-то я просто не хочу так сразу с тобой расстаться, – призналась она тихо.

Я была рада, но сочла своим долгом уединиться в сортире и позвонить Майке, предупредить о визите матери.

– О, Дина, ты настоящий друг! Спасибо тебе! А то тут могли такие тайфуны и торнады возникнуть... Класс! Еще раз спасибо! Будем держать связь! Я тебя обожаю!

Мне это было приятно слышать, у меня никогда раньше не было кузины, а эта мне нравилась.

В машине у меня вдруг зазвонил мобильник. Номер высветился совершенно незнакомый.

– Алло!

– Дина, с добрым утром!

– Кто это?

– Телохранитель Барсика, помните?

– А, здравствуйте! – более неподходящего момента нельзя было выбрать. Но, как ни странно, я вдруг заволновалась. – Как поживает ваш подопечный?

– Вашими молитвами! Дина, когда мы увидимся?

– Понятия не имею.

– Тогда вечером я вам позвоню часов в шесть, и мы договоримся точнее. У вас вечер не занят, надеюсь?

– Пока нет.

– Отлично! До свидания. Между прочим, я из-за вас всю ночь не спал. Пока!

И он отключился.

– Это кто звонил? – полюбопытствовала Мура.

– Мураша, задавать такие вопросы неприлично! – напомнил жене Вася.

– Почему это? Она – моя родная кровь, и мне не безразлично... какие мужики ей звонят.

– С чего ты взяла, что это был мужик? – удивился Вася.

– Ты сидишь за рулем и смотришь на дорогу, а я смотрела на нее, и она слегка вспыхнула. Разве не так, Динка?

– Совершенно не так! Я не вспыхнула, а рассердилась, это звонил родственник одной знакомой, я привезла ему посылочку, а он ее должен забрать... – забормотала я, сама не зная почему. Ну сказала бы я правду, не упоминая о дурацких любовных намеках, так нет, с ходу стала врать... Интересно, почему? Он что, нравится мне, этот рыжий? Да нет, наверное...

Мура очень внимательно на меня смотрела, потом удовлетворенно улыбнулась, как будто разглядела то, что ей хотелось увидеть.

Вася довез нас до Сухаревки, а сам собрался поехать в автосервис.

– Вася, только по дороге загляни к Майке, посмотри, что там и как...

– Мураша, ну ты же знаешь, я ничего не замечу! – жалобно произнес Вася. – Это же ваши женские дела...

– Вот принесет Майка в подоле, будешь знать!

– Ну что за чушь, они же теперь просвещенные, контрацепция и все такое. И потом, если она залетит от Алика, это хорошо, а если от Вани или Коли, плохо?

– Но Алика-то я знаю и семью его знаю, а эти прохожие молодцы. Короче, ты заедешь и посмотришь, что и как!

– О господи! – тяжело вздохнул Вася.

Пока мы шли к дому, Мура пыталась мне объяснить:

– Понимаешь, у нее есть один парень, просто чудо! Умный, красивый, многообещающий, из хорошей семьи, ее просто обожает, а она хвостом крутит, хотя я точно знаю, что она с ним уже спала...

– А если ей не понравилось?

– Да что она понимает еще? Просто она жутко любопытная, наверное, хочет сравнить... И кто знает, куда ее любопытство заведет. Я хочу, чтобы она вышла за Алика. Мне тогда будет спокойно, я очень боюсь, что она пошла в меня...

– Тоже поблядуха? – засмеялась я.

– Вот—вот, в наше время это куда опаснее, чем раньше... СПИД и все такое... А в Майке такие черти водятся... То она с парашютом прыгает, то с тарзанки, зимой горные лыжи, а я умираю со страху... Пусть бы она поскорее замуж вышла, родила и забыла обо всех глупостях...

– А учеба?

– Да ну, блажь одна, какой из нее математик! Она туда за парнем поперлась, так он провалился, а эта фифа поступила. Она способная, как черт. Но все равно, я чувствую, не ее это стезя, просто ей нравится, что она учится на мехмате, там публика продвинутая, как она выражается. А вообще, у нее семь пятниц на неделе, я готова к тому, что она в любой момент заявит: «Я поступаю в театральный или в текстильный», черт ее знает... Ого, у вас тут даже охрана, ну надо же, как теперь говорят, круто!

Квартира ей понравилась.

– Очень даже мило тут! Ладно, живи, я понимаю, тут удобно, от всего близко... А кто все-таки тебе звонил?

– Мура!

– Что Мура? Это нескромный вопрос? Но ты же говорила, у тебя никого нет...

– Правда нет.

– Слушай, а ты не вздумала ли романиться с тем мужиком, который за котом присматривает, а?

– Да побойся бога!

– А впрочем, это неважно, захочешь, сама расскажешь. Ну, давай, звони отцу!

– Что, прямо сейчас? – испугалась я.

– Не бледней, Дина, это надо сделать!

– Лучше я потом...

– Чего ты боишься?

– Сама не знаю... Просто как-то... Не нужна я ему триста лет. У него вон сын маленький, а тут тетка за сорок...

– Глупости какие, все равно родная кровь. Ты вон и со мной сколько лет не зналась, а теперь...

– Ты – другое дело!

– Но он-то роднее тебе!

– Ерунда это кровное родство. Один раз мы уже повстречались как чужие...

– Мало ли что тогда было. Звони!

– Я его телефона не знаю, – ухватила я за соломинку.

– Динка, не говори ерунды. Вот тебе его телефон!

И она вытащила из сумочки визитную карточку отца. Карточка была элегантная, с красивой скромной надписью: «Юрий Денисович Шадрин».

- Откуда это?
- Какая разница? Звони.
- Но тут два номера!
- Верхний домашний, нижний сотовый. Ты звони, а я пока в спальне посижу.
- Нет, лучше я оттуда позвоню.
- Я собралась с духом и позвонила.

Ответила женщина:

- Аллю!

Хриплым от волнения голосом я попросила к телефону Юрия Денисовича.

- А кто его просит?
- Это... Это его дочь.
- Какая дочь? – испуганно спросила женщина.
- Дина.
- Ой, правда? Дина, вы откуда звоните? А я жена Юры... вашего папы. Его сейчас нет...

А вы где?

- В Москве.
- Да? Как хорошо! Вы где остановились?
- У друзей! – ляпнула я. Мне вдруг показалось, что не надо говорить, что я снимаю квартиру в родном городе, ей в этих словах может послышаться упрек... – А когда он будет?

– Он в Питере, вернется завтра утром. Вы оставьте ваш телефон, он вам обязательно позвонит.

- Хорошо, записывайте... А бабушка? Как бабушка?
- Вера Николаевна на даче...
- В Пахре?
- Ну да... Ах, кажется, это дача вашего детства, да? – В голосе мачехи прозвучала насто-роженность. Не собираюсь ли я претендовать на часть дачи или еще что-то в этом роде.
- Это было так давно. Простите, а как вас зовут?
- Ох, я не представилась... Меня зовут Арина. Я уверена, Юрий Денисович будет рад... очень рад! – уверенности в голосе я не услышала. – А вы надолго в Москву?

- Да нет, на несколько дней.

Кажется, она вздохнула с облегчением.

– Тогда до встречи, Дина. Очень хочу с вами познакомиться. Вы знаете, что у вас есть брат Денис?

– Да, я слышала. Хочется взглянуть на него. Ну что ж, Арина, будьте здоровы, – и я положила трубку. – Мура!

- Ну что? – примчалась она.

Я в двух словах передала ей весь разговор.

– А мобильник у него наверняка с собой. Кстати, она тебе не посоветовала позвонить на мобильник?

- Нет.

– Ага, сначала она хочет сама перетереть все с Юрой.

- Перетереть? – удивилась я.

– Это значит обсудить, обговорить, – засмеялась Мура. – Муж детективы пишет, уголов-ный жаргон вместе изучаем, а это заразно. Может, все же позвонишь на мобильный?

– Нет. Пусть она ему завтра скажет все или даже сейчас ему позвонит... Ему тоже надо собраться с мыслями и чувствами... Время еще есть. Вот если завтра в течение дня он не позвонит, я просто поставлю для себя жирную точку в этой истории.

- Ну, может, ты и права...

Я приняла душ, переделалась, и мы с Мурой отправились гулять по Москве.

– Ну как тебе, а?

Было ясно, что Мура гордится новой Москвой, а я не понимала своих чувств... Мне было странно. Кое-где ничего нельзя было узнать. Одно я успела заметить: москвичи очень хорошо одеты. И появилась масса красивых женщин.

– Мура, какой тут у вас есть хороший ресторан? Пойдем пообедаем? И позвоним Васе, пусть присоединяется. Я вас приглашаю!

– Да? Отличная идея, я сейчас ему позвоню... Алло! Вася, тут у Дины возникла... Что? Господи, когда? С ума сойти! Ну разумеется, как я могу не поехать? Когда? Уже заказал? А Майка? Тоже поедет? Ну что ж, ладно, тогда заезжай за мной. Нет, я сейчас на Поварской, недалеко от Гнесинки. Ладно, договорились. Динка, какая невезуха! Умерла Васина сестра в Екатеринбурге.

– Екатеринбург это что?

– А, Свердловск. И мы сегодня же вылетаем, вечерним рейсом. Я ее мало знала, но просто боюсь отпускать Васю, все-таки уже не молоденький... Но мы дня на три, не больше... Идем, Вася сейчас подъедет на Кудринскую, надо еще смотаться на дачу, там у меня вещи... И вообще, когда надолго уезжаешь, надо все проверить. Ох, знала бы ты, как мне неохота с тобой расставаться! Но ничего, у тебя тут уже есть таинственный поклонник, и завтра Юра позвонит... – тараторила Мура, крепко держа меня под руку. – А вот Майка обожала тетку, она у нее три лета в деревне на Урале жила... Мы с Васей тогда только начинали писать детективы...

– Вы? – удивилась я.

– А ты как думала? Я все-таки профессиональный редактор. Вася пишет, я поправляю, советую, редактирую... Все переговоры денежные веду, он в договорах плохо разбирается, его в два счета облапошит любой издатель. А ты ничего ведь не читала, наверное?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.